Отзыв официального оппонента
о диссертации Мосовой Дианы Владимировны
«Блоковская традиция в лирике Булата Окуджавы»,
представленной на соискание учёной степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 – Русская литература

Булат Окуджава ныне, по прошествии уже почти двадцати лет после его кончины, воспринимается как один из классиков русской литературы XX века. Исследовательский интерес к наследию поэта, барда, прозаика, киносценариста вполне оправдан; существует уже целая серия защищённых в разных вузах специальных диссертационных работ (в том числе одна докторская) о его творчестве.

Одной из важнейших проблем, интересующих исследователей творчества Окуджавы, является проблема литературных традиций. Контекст его очень широк и включает культурный опыт восемнадцатого века; пушкинской эпохи; эпохи – условно говоря – толстовской (о традициях русской классики XIX века в творчестве Окуджавы написано уже немало); необычайно важны контекстуальные связи творчества художника с литературой, современной ему. В данной же работе наследие Окуджавы рассматривается на фоне традиций Блока – крупнейшего поэта Серебряного века, связь с которым поэт второй половины истекшего столетия остро ощущал. Заметим, что органичная связь с блоковским творчеством присуща и другим большим мастерам, современникам Окуджавы – например, упоминаемым в диссертации Арсению Тарковскому и Александру Кушнеру, а также крупнейшим поэтам-бардам – Александру Галичу и Владимиру Высоцкому; применительно к последним она исследована в работах В. А. Зайцева, Н. Пименова (В. Альтшуллера), Н. А. Богомолова. Пришёл черёд обратиться к этой проблеме и окуджавоведению. Защищаемая ныне работа – первый опыт монографического изучения блоковской традиции в лирике Окуджавы.

Этим объясняются актуальность и научная новизна диссертации Д. В. Мосовой.

Рецензируемая работа выстроена в соответствии с классическим пониманием диссертационного жанра, требующего теоретического экскурса. Он составляет содержание первой главы, где говорится о теоретических аспектах проблемы литературной традиции, в частности – в лирической поэзии, и относительно рецепции поэзии именно Блока. Глава представляет собой аналитический обзор существующих трактовок этой проблемы, начиная с классиков отечественного литературоведения – Веселовского, Тынянова – до работ самого последнего времени (В. Е. Хализев, А. М. Ранчин и др.). Д. В. Мосова готова вступить в полемику там, где считает это необходимым. Так, автор диссертации оспоривает подход Е. П. Любаревой – автора книги о блоковской традиции в советской поэзии – усматривая в этой работе некоторое упрощение творческого диалога, который ведёт с классиком поэзия последующих десятилетий. Речь идёт, в частности, о принципиальной значимости цитат как знаков литературной преемственности; Любарева их недооценивает, и автор диссертации резонно и корректно ей возражает. Из данной главы явствует, что и сама тема «Окуджава и Блок» уже имеет свою, пусть и небольшую, научную историю (оказывается, отдельные упоминания имени Окуджавы появлялись в блоковедческих статьях ещё советского времени, но по понятным идеологическим причинам серьёзный разговор на эту тему был тогда невозможен). Нам думается, что эта, насыщенная теоретико-литературным материалом, глава ещё более выиграла бы, если бы содержала некоторую рефлексию по поводу понятия «интертекстуальность», пусть даже интертекстуальная методика сама по себе и не была бы принята автором диссертации. Д. В. Мосова несколько раз как бы вплотную подходит к этому понятию (скажем, при оценке позиции М. Эпштейна), но всё же оно так и остаётся не освещённым в рецензируемой работе.

Во второй главе диссертации рассматриваются типы и функции блоковских цитат в поэзии Окуджавы. Д. В. Мосова исходит из методологически ценного положения Вл. И. Новикова о диалектике традиционного и новаторского в творчестве этого поэта, а также из концепции З. Г. Минц, предложившей типологию цитат, характерную для творчества Блока. По мысли автора диссертации, эта типология проецируется и на поэтический диалог, который ведёт с Блоком сам Окуджава (правда, мысль о значении типологии Минц по ходу изложения материала как-то теряется и возникает заново уже в конце главы, в выводах, где приводится принадлежащий Минц термин «цитаты-“парафразы”»). Здесь важны, во-первых, «имена» (наименования) героини лирики Окуджавы, восходящие, по убедительному рассуждению автора диссертации, к блоковским стихам, прежде всего – «Стихам о Прекрасной Даме»: «дама», «госпожа», встающая в этот же ряд «пани» («К чему нам быть на ты, к чему…»). Лирические оттенки «имени» такого типа могут быть у Окуджавы различны: так, единственной «прекрасной даме» из песни «Ещё один романс» противопоставлены «дамы» прочие, лишённые высокого поэтического ореола («Ведь что мы сами, господа, в сравненье с дамой той прекрасной, и наша жизнь, и наши дамы, господа»). Вообще у стихов Окуджавы и Блока такого рода есть общий лирический нерв – сложное соотношение идеального и реального, у самого Блока с годами всё более проступающее как некое смысловое и стилевое расхождение, доходящее до внутреннего драматического разлада. Окуджава, поэт другой эпохи, за плечами которой были уже и революция, и большие войны, и массовый террор, явно не прошёл мимо этого блоковского диссонанса и, как это видно в диссертации, по-своему на него откликнулся. Может быть, этим объясняется «демократизация» образа Прекрасной Дамы, который в окуджавской «Песенке о московском муравье» сопровождается «простонародным», по точному выражению Д. В. Мосовой, жестом лирического героя: «Вдруг захотелось в ноженьки валиться». Этот герой, кстати, сродни «рыцарю» из

блоковского цикла, боготворящему свою Прекрасную Даму; образу такого героя, в соотношении с героиней, посвящён в этой главе диссертации отдельный параграф. Может быть, здесь стоило вспомнить также пушкинское стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный…», входящее, в свою очередь, в претекст блоковского цикла. Не сомневаемся в том, что это стихотворение Пушкина Окуджава знал и помнил. Любопытна предложенная диссертантом трактовка песни Окуджавы «По Смоленской дороге» как отклика на стихотворение Блока «Окрай небес – звезда омега…»; два произведения сближаются за счёт общих мотивов «звезды», небесного «взгляда», «холода», «метели». Столь же убедителен проделанный Д. В. Мосовой анализ стихотворений Окуджавы «Ночной разговор» и «Две дороги» в свете блоковского влияния.

Третья глава посвящена романсовой традиции в творчестве Окуджавы. Здесь исследовательница попадает в «пограничное поле», на стык искусств и научных дисциплин. Напомним, что в 90-е годы ушедшего века пишущие об авторской песне были воодушевлены самой идеей и открывшейся возможностью трактовать авторскую песню как литературное явление, а в ведущих её представителях видеть больших поэтов. Прошло время, и стало ясно, что такой «литературоцентричный» подход недостаточен, что исследователям бардовской поэзии никуда не уйти от музыкальной, вокальной, театральной составляющей этого искусства. Сами барды это чувствовали; так, Высоцкий не раз говорил о том, что истоки его творчества – в городском романсе. «Городской романс» - название одной из песен Галича. Поэтому научное обсуждение вопроса о романсе применительно к авторской песне естественно и необходимо. Правда, автор диссертации сразу оговаривается, что избранный им «аспект исследования лирики Окуджавы требует внимания к жанру самого поэтического текста, вне зависимости от существования его музыкального варианта» (с. 68). В это нам видится объективный недочёт. Ведь в самом деле, звучащее стихотворение у Окуджавы представляет собой его «музыкальный вариант», где могут быть

заменены отдельные слова, изъята целая строфа, ибо она «не поётся», то есть трудна для исполнения технически (в этом смысле показательна судьба, например, написанных Окуджавой в разные годы стихотворений-песен «Заезжий музыкант» и «Музыкант»). Очевидно, окуджавоведение должно учитывать и осмыслять эту разницу.

Впрочем, романс – понятие не только музыкально-поэтическое, но и собственно литературное, лирический жанр, возникший в поэзии в XVIII веке и представленный в русской лирике образцами (Жуковский и др.), отнюдь не требовавшими музыкального сопровождения. История литературоведческих трактовок этого жанра, изученного пока слабо, представлена у Д. В. Мосовой в отдельном, ёмком и взвешенном, параграфе в составе третьей главы диссертации. Здесь же – подробный аналитический обзор блоковедческих работ, касающихся проблемы «романсовости» Блока, начиная с работ Жирмунского и Эйхенбаума; нам показалось только, что рефлексии по поводу статьи М. С. Петровского – бесспорно, важной для темы диссертации – Д. В. Мосова отводит всё же слишком много места (несколько страниц). Дальнейший же анализ отдельных произведений Окуджавы отличается тонкими и убедительными наблюдениями. Так, образный строй песни Окуджавы «Ваше Величество Женщина», с мотивами «пожарища» и «дыма», восходит, по мнению Д. В. Мосовой, к стихотворению Блока «Зову тебя в дыму пожара…»; при этом у обоих поэтов высокий поэтический образ оттенён иронией, словно напоминающей читателю (слушателю) о том, что любой поэтизм проходит в двадцатом веке «испытание» изменившейся с галантно-куртуазных времён жизнью. Такая же тенденция обозначена и в уже упоминавшемся нами окуджавском «Ещё одном романсе», где само название не просто обозначает жанровую принадлежность, но и привносит лёгкую ироническую ноту: дескать, «ещё один», а то ведь их мало… Лёгкая ирония есть даже в ходе мысли самого автора диссертации, называющего это произведение Окуджавы «романсом

усталого, но упрямого идеалиста». Впрочем, такое определение по сути своей очень точно.

Ценна и перспективна заключительная, четвёртая, глава диссертации, в которой пара «Окуджава – Блок» предстаёт в контексте творчества поэтов-«посредников». Во-первых, это проницательно чисто методологически: диалог поэта второй половины двадцатого века (не обязательно только Окуджавы) с классикой – Золотого ли века, Серебряного ли – во многих случаях бывает погружён в тройственный контекст: третьим звеном его может оказаться поэт, хронологически или культурно-психологически нашему герою более близкий, чем «отдалённый» во времени классик (так, у Высоцкого иногда пушкинские мотивы бывают «пропущены» через поэтический опыт Маяковского или уличного фольклора). «Блоковская поэзия в рецепции Окуджавы, – справедливо замечает на этот счёт автор диссертации, – открывается навстречу разным художественным мирам, но неизменно остаётся для поэта-наследника точкой отсчёта в его творческих поисках» (с. 163). Во-вторых, обнаруженные Д. В. Мосовой «посреднические» переклички с Блоком через поэзию Михаила Светлова («Песенка о комсомольской богине», обозначающая лирический диалог со «Стихами о Прекрасной Даме»), Редьярда Киплинга («Не бродяги, не пропойца…»; здесь актуализируется блоковский мотив «близкого берега» из «Незнакомки» и др.), Шота Руставели (важные для Окуджавы грузинские мотивы в цикле «По дороге к Тинатин») и, наконец, Беллы Ахмадулиной («Считалочка для Беллы», вновь заставляющая вспомнить о «Стихах о Прекрасной Даме») подтверждают оправданность такого подхода к творчеству поэта.

В целом диссертация Д. В. Мосовой раскрывает проблему «Окуджава и Блок» очень полно, многогранно, с учётом произведений, относящихся к разным периодам творчества поэта-барда. Хорошо, что в диссертации упомянуты и прозаические произведения Окуджавы, несущие в себе блоковские ассоциации (рассказы «Нечаянная радость», «Девушка моей

мечты»; кстати, название позднего автобиографического романа Окуджавы «Упразднённый театр» не связано ли с блоковской пьесой «Балаганчик», с её сюжетом и названием?). Но, естественно, касаться их подробно автор диссертации не мог: проза поэта не входила в поле его внимания как предмет специального анализа.

Список использованной автором диссертации литературы свидетельствует о серьёзной проработке проблемы и максимально полном знакомстве с научными источниками. Мы бы добавили в него ещё сравнительно недавнюю книгу Владимира Новикова «Блок», вышедшую в 2010 году в серии «Жизнь замечательных людей». Помимо прочих своих достоинств, она примечательна тем, что написана окуджавоведом (в частности), работы которого о поэте-барде в диссертации не раз упоминаются и цитируются. Нам думается, что и эта книга была бы здесь полезна.

В целом же работа Д. В. Мосовой представляет собой концептуальное и цельное исследование. Отдельные замечания имеют частный характер или даже характер пожелания и нисколько не снижают ценности работы. Публикации и автореферат достаточно полно отражают результаты научной работы автора диссертации. Представленное к защите исследование имеет все признаки состоявшейся научно-квалификационной работы, в которой предложено новое оригинальное и значимое для литературоведения решение проблемы блоковской традиции в лирике Булата Окуджавы, что соответствует требованиям, изложенным в пп. 9-14 Положения о присуждении учёных степеней, утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, № 842. Её автор вполне заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Официальный оппонент: Кулагин Анатолий Валентинович –

доктор филологических наук (специальность 10.01.01 – Русская литература), имеющий учёное звание доцента, работающий профессором кафедры литературы Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет» (140411 Московская область, г. Коломна, ул. Зелёная, 30. Тел.: (4966) 10-15-70, эл. почта litkaf@mail.ru веб-сайт: http://www.kolomna-kgpi.ru/)

1 июля 2016 г. /Кулагин А. В./

Против включения персональных данных, заключённых в отзыве, в документы, связанные с защитой данной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

1 июля 2016 г. /Кулагин А. В./

Личную подпись Кулагина А.В.
ЗАВЕРЯЮ
Нач. отдела кадров ГОУ ВО МО «ГСГУ»
«01» июля 2016 г.
Секретарь о/к
Е.А. Шипилова